

И. И. ЛАПШИНЪ.

## ПУШКИНЪ И МОНТЕНЬ.

Мишель де Монтань, или де Монтень (1533—1588), своими „Опытами“ оказалъ мощное воздѣйствіе на развитіе европейской философской мысли отъ Декарта до Ницше, но онъ оказалъ также извѣстное вліяніе и на европейскую художественную литературу. „Опыты“ были цѣнимы Шекспиромъ и, какъ показываетъ Фоссъ въ своей книгѣ: „Shakespeare and Montaigne“, сохранился до нашихъ дней экземпляръ „Опытовъ“ съ подлиннымъ автографомъ Шекспира. Мысль объ относительности нашихъ моральныхъ сужденій, высказываемая Гамлетомъ, представляетъ цитату изъ „Опытовъ“; кое-что въ „Бурѣ“, какъ доказываетъ Робертсонъ, навѣяно Монтенемъ (См. его книгу: „Montaigne and Shakespeare“).

Victor Bouillier въ своей книгѣ: „Montaigne en Italie et en Espagne“ (1922) сообщаетъ, что у знаменитаго итальянскаго поэта Альфіери (1749—1803) „Опыты“ были любимымъ произведеніемъ. Альфіери говорить: „Sublimi Saggi del familiarissimo Montaigne“. „Опыты“ были вѣрнымъ спутникомъ Альфіери въ его путешествіяхъ. Эти десять томовъ, столь богатые содержаніемъ, были для него возбуждителями критической мысли, давая богатую пищу для размышленія. „Если я когда-либо размышлялъ, то я обязанъ этимъ томикамъ Монтеня. Они меня развлекали и поучали, я былъ къ тому же невѣжественъ и лѣнивъ, — открывая наудачу какой попало томъ, я прочитывалъ одну-двѣ страницы и закрывалъ его и затѣмъ предоставлялъ моему воображенію полный просторъ развиваться въ какомъ угодно направленіи по поводу этихъ двухъ страницъ“ (Bouillier, p. 27).

Равнымъ образомъ и нѣмецкая литература, съ Гете во главѣ, испытала на себѣ воздѣйствіе Монтеня. Кризисъ сомнѣній Фауста напоминаетъ кое въ чемъ скептическія идеи Монтеня.

Гете плѣняются въ Монтенѣ его широта мысли и его терпимость. Онъ пишетъ въ 1822 году въ предисловіи къ книгѣ, озаглавленной: „Der deutsche Gil Blas“ (Ch. Sachse) по поводу путешествія Монтеня: „Монтень, рыцарь преисполненный усердія и вѣрности по отношенію къ римско-католической церкви и по отношенію къ королевской власти, предпринимаетъ свое путешествіе восемь лѣтъ спустя послѣ Вар-

еоломеевской ночи, онъ ищетъ въ Германіи случаевъ имѣть свободныя собесѣдованія не только съ католиками, но и съ протестантами, пасторами и наставниками, по вопросу о расхожденіяхъ въ вѣрованіяхъ и религиозныхъ взглядахъ. Онъ пользуется для этой цѣли латинскимъ языкомъ, которымъ вполне владѣетъ; при этомъ онъ въ сущности, хотя и придерживается нѣкоторыхъ предразсудковъ и упорно держится нѣкоторыхъ привычекъ мысли, но въ то же время трактуетъ, проявляя полнѣйшую свободу духа и съ самой невозмутимой справедливостью и безпристрастіемъ, положенія столь ему чуждыя и настолько высоко цѣнить ихъ, что онъ отдаетъ полное предпочтеніе нѣмецкимъ нравамъ и обычаямъ передъ французскими“. (Bouillier: „M. en Allemagne“.)

Равнымъ образомъ и Пушкинъ<sup>1)</sup> причислялъ Монтеня къ своимъ любимымъ писателямъ, очевидно, находя въ немъ конгеніальныя себѣ мысли; онъ, въ самомъ дѣлѣ, кое въ чемъ конгеніаленъ идеямъ Монтеня, хотя глубочайшія различія въ ихъ натурахъ и взглядахъ на жизнь сами собой бросаются въ глаза.

Напускной, въ извѣстной мѣрѣ, эгоизмъ Монтеня напоминаетъ credo теоріи эгоизма, высказанной въ стихотвореніи „изъ Пиндемонте“: „никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать“. Это стихотвореніе, какъ извѣстно, отнюдь не есть выраженіе подлиннаго моральнаго мірочувствія Пушкина, оно очень напоминаетъ нѣкоторыя мысли Флобера, высказываемыя имъ въ его „Перепискѣ“.

Для Монтеня всего цѣннѣе въ жизни „passer à son aise“, онъ на словахъ готовъ бѣжать отъ ударовъ судьбы, „fut ce sous la peau d'un veau“. Правда, Edme Champion въ своей книгѣ: „Introduction aux Essais de Montaigne“ (1900, p. 84) показываетъ, что въ этомъ принципіальномъ эгоизмѣ Монтеня была доля напускнаго чувства.

Пушкинъ судитъ объ эгоизмѣ слѣдующимъ образомъ: „Эгоизмъ можетъ быть отвратителенъ, но онъ не смѣшенъ, ибо отмѣнно благо-разуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему гению съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что у нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности“ (Отрывки изъ писемъ. Мысли и замѣчанія). Античная *ἀδιαφορία* несвойственна Пушкину еще въ гораздо большей степени, чѣмъ проповѣдывавшимъ ее Цицерону и Монтеню.

Чтобы полнѣе оцѣнить всю разницу идеаловъ Монтеня и Пушкина, лучше всего сопоставить воззрѣнія на раскаяніе и его нравственный смыслъ у Монтеня и Пушкина. Монтень, хотя и претендуетъ быть вѣрнымъ сыномъ католической церкви, не чувствуетъ потребности въ покаяніи, въ этой ненависти къ прежней жизни, „*veteris vitae odium*“, не сознаетъ въ покаяніи очищающаго душу страданія, „*verum et utilem*

<sup>1)</sup> Вольтеръ характеризуетъ Монтеня, какъ: „le moins méthodique, mais le plus sage et le plus aimable des philosophes“. Можетъ быть, именно эта высокая оцѣнка Монтеня Вольтеромъ привлекла къ Монтеню вниманіе Пушкина. См. полное собраніе соч. Вольтера XXV, 308.

dolorem“ . Для Пушкина чувство раскаянія ничѣмъ не связано съ идеями церковнаго традиціонализма, но оно является выраженіемъ глубокихъ внутреннихъ страданій, которыхъ поэтъ не заглушаетъ въ себѣ, но, наоборотъ, которыми онъ идетъ на встрѣчу. Монтень ограничивается тѣмъ, что выражаетъ желаніе быть другимъ вообще, „un autre en géneral“, но это нельзя назвать раскаяніемъ : „nommer cela du repentir non plus que le déplaisir d'estre un ange“ . Онъ добавляетъ затѣмъ : „Si j'avais à revivre, je vivrais comme j'ai vécu“ .

Это непохоже на чувства и думы Пушкина :

„Во тѣмъ ночной живѣй горятъ во мнѣ  
Змѣи сердечной угрызенья,  
Мечты кипятъ, въ умѣ, подавленномъ тоской,  
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,  
Воспоминаніе безмолвно предо мной  
Свой длинный развиваетъ свитокъ,  
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,  
Я трепещу и проклиная,  
И горько жалуясь, и горько слезы лью,  
Но строкъ печальныхъ не смываю.“

Скептикомъ Пушкина нельзя назвать ни въ какомъ отношеніи. Вѣра въ истину, красоту, добро, въ нравственный смыслъ жизни никогда не покидали его вполне, если же онъ иногда отдавалъ предпочтеніе цѣнностямъ художественнымъ передъ цѣнностями познавательными, передъ наукою, то это вполне естественно ожидать отъ поэта, не посвященнаго въ глубины научнаго творчества. Пушкинскій стихъ (въ „Фаустѣ“) : „Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“, не выражающей, однако, убѣжденія самого Пушкина, могъ бы служить эпиграфомъ къ знаменитой XII главѣ II книги „Опытовъ“ — къ апологіи Раймунда Сабундскаго. Пушкинъ, подобно Монтеню и Юму, подчеркиваетъ преходящій характеръ астрономическихъ и философскихъ системъ, — Монтень отмѣчаетъ смѣну птоломеевской системы коперниковской въ доказательство измѣнчивости истинъ, которыя тысячелѣтіями считались безспорными. Таково же отношеніе обоихъ къ философскимъ системамъ : Монтень называетъ Платона „poète descousu“, Пушкинъ называетъ Идеи „химерами“ („Къ Лидѣ“ : „Платоновы химеры“).<sup>1)</sup> У Монтеня скепти-

<sup>1)</sup> Вотъ сопоставленіе мыслей Юма и Пушкина, которое было сдѣлано мною въ книгѣ „Эстетика Достоевскаго“ (1923, стр. 40—41) :

Пушк и н ѣ. Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны, между тѣмъ какъ представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣють, одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей молодости (Сочиненія, изданіе Суворина, VIII, 329).

Ю м ѣ. Въ то время какъ Платонъ, Аристотель, Эпикуръ, Декартъ властвуютъ, смѣняя одинъ другого, Теренцій и Виргилій очаровываютъ всѣ вѣка, и никто не оспариваетъ за ними этой чести. Философія Цицерона не пользуется популярностью, но мы еще восхищаемся его краснорѣчіемъ.

Эта мысль у Юма навѣяна, конечно, чтеніемъ Монтеня, — она совпадаетъ со взглядомъ Пушкина, поскольку въ ней подчеркивается непреходящій характеръ эстетическихъ цѣнностей.

цизмъ представляетъ обратную сторону его церковнаго традиціонализма и политическаго консерватизма. Онъ полагаетъ, что чѣмъ безсмысленнѣе, нелѣпнѣе объектъ вѣры, тѣмъ болѣе заслугъ у вѣрующаго, онъ считаетъ, что наука бесполезна для жизни, что просвѣщеніе вредно для народа, что Франція должна брать примѣръ съ Турціи, охраняя народныя массы отъ разрушающаго дѣйствія просвѣщенія и культуры совершенно такъ же, какъ Леонтьевъ рекомендовалъ „заморозить Россію“. Все это безмѣрно далеко отъ идеала просвѣщенной свободы, который предносился Пушкину. Слѣпая приверженность Монтеня къ старымъ формамъ политической жизни и неподвижнымъ церковнымъ догмамъ и всему прошлѣму укладу общественной жизни, приверженность, въ которой онъ видѣлъ единственное спасительное средство отъ разрушающей силы „духа отрицанія и сомнѣнія“, все это совершенно чуждо натурѣ Пушкина. Религіозная вѣра Пушкина вовсе не была слѣпою приверженностью къ церковному традиціонализму, — онъ былъ совершенно равнодушенъ къ догматической сторонѣ положительныхъ религій, но онъ былъ глубоко религіозной натурой въ философскомъ смыслѣ этого слова, чего никакъ нельзя сказать о Монтенѣ. Если Пушкина охватывали сомнѣнія въ смыслѣ жизни :

„Даръ напрасный, даръ случайный,  
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?  
Иль зачѣмъ судьбою тайной  
Ты на казнь осуждена?“

то эти сомнѣнія все же имѣли преходящій характеръ.

Смыслъ жизни раскрывался Пушкину въ апоэозѣ человѣческой творческой воли. Монтень не цѣнитъ великаго значенія радостей творчества. Пушкинъ прославляетъ творческій порывъ человѣка во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности. Пушкинъ — единственный русскій писатель, давшій въ своихъ произведеніяхъ художественное изображеніе гармоничной творческой воли человѣка въ области моральнорелигіозной (Пименъ), въ области государственной (Петръ Великій) и въ области искусства (Моцартъ). Но этого мало. Пушкинъ прекрасно понималъ величіе научнаго генія и его могучую роль въ освобожденіи человѣчества отъ духовной косности и суевѣрій и въ его власти надъ природой, въ чемъ онъ сходится со стремленіями Шекспира въ „Бурѣ“. Доказательствомъ тому можетъ служить недавно опубликованный набросокъ къ „Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ“. Бертольдъ Шварцъ, пытливый искатель истины, ломающій голову надъ открытіемъ „философскаго камня“, подвергается насмѣшкамъ Калибана, т. е. черни, неспособной понять возвышенности его стремленій. Шварца заключаютъ въ тюрьму, изъ которой онъ, повидимому, освобождается, избрѣвши порохъ, взрывомъ. Это — набросокъ сцены, гдѣ Мартынъ бесѣдуетъ съ пытливымъ искателемъ истины (см. Неизданный Пушкинъ, 1922 г., стр. 165—166).<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Монтень совершенно не цѣнилъ человѣческой избрѣтательности и открытіе Шварца считалъ не имѣющимъ никакого значенія.

Въ скептицизмѣ Монтеня Пушкина могла еще привлекать высшая иронія надъ „ложной мудростью“, надъ діалектическими ухищреніями борющихся между собою философскихъ и литературныхъ партій:

„Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной,  
Другъ на друга словесники идутъ,  
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губяты,  
И хоромъ про свои побѣды трубяты.  
Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,  
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,  
То надъ другими — верхъ земныхъ утѣхъ  
Изъ-за угла смѣяться надо всѣми.“ („Домикъ въ Коломнѣ“,  
XVI—XVII.)

Липранди сообщаетъ, что Пушкинъ любилъ стравливать спорящихъ и съ любопытствомъ слѣдить за перипетіями живой діалектики.

Монтень цѣнитъ многообразіе и многосложность человѣческихъ личностей, онъ отгѣняетъ въ человѣкѣ его духовную многоликость. Пушкинъ также въ себѣ и въ другихъ отмѣчаетъ многосложность духовной структуры и ея измѣнчивость. Онъ хвалитъ Шекспира за то, что онъ изображаетъ человѣческіе характеры „съ беззаботностію жизни“, не боясь приписывать имъ глубоко противоположныя психическія черты — противочувствія. У Монтеня общая съ Шекспиромъ манера изображать характеры человѣческіе во всей сложности и противоположности ихъ чувствъ и страстей. Именно это цѣнилъ въ Шекспирѣ Пушкинъ. И, наоборотъ, онъ осуждалъ Байрона за неумѣніе послѣдняго въ драматическихъ опытахъ живо представить „противочувствія“ сложныхъ характеровъ: „Когда . . . онъ (Байронъ) сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера . . . и такимъ образомъ раздробилъ свое величественное созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ“ (См. „О Байронѣ“, 1827 г.).

Аналогичныя мысли въ примѣненіи къ игръ актеровъ мы находимъ у Монтеня, который пишетъ слѣдующее:

„Il y a quelque apparence de faire jugement d'un homme par les plus communs traits de sa vie, mais, veu la naturelle instabilité de nos moeurs et opinions, il m'a semblé souvent que les bons acteurs mesmes ont tort de s'opiniâtrer à former de nous une constante et solide contexture; ils choisissent un air universel; et suyvnt cette image, vont rangeant et interpretant toutes les actions d'un personnage; et s'ils ne les peuvent assez tordre ils les renvoyent à la dissimulation. Auguste leur est échappé, car il se trouve en cet homme une variété d'actions si apparente, souldaine et continuelle, tout le cours de sa vie, qu'il s'est fait lascher entier et indécis, aux plus hardis juges“ (Livre second, ch. I.: „De l'inconstance de nos actions“).

Монтень мастерски освѣщаетъ смѣшанныя чувства, которыя такъ тонко умѣлъ описывать Пушкинъ. Борисъ морщится передъ короной, „что пьяница предъ чаркою вина“. Онѣгину, по его собственному признанію, приходилось умирающему богатому дядѣ, отъ котораго ему

предстояло получить наследство, „печально подавать лекарство, вздыхать и думать про себя: когда же чортъ возьметъ тебя“. Монтень приводит стихъ изъ Публія Сира (P. Syrus, apud A. Gellium XVII): „Heredis fletus sub persona risus est“ и далѣе слѣдующіе стихи Лукана (IX):

..... „Tutumque putavit  
Jam bonus esse socer; lacrymas non sponte cadentes  
Effudit, gemitusque expressit pectore laeto“.

Отравивши Моцарта, Сальери плачеть:

„Эти слезы  
Впервые лью: и больно, и пріятно,  
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,  
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ  
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...  
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши  
Еще наполнить звуками мнѣ душу...“

„Неронъ, пишетъ Монтень, прощаясь съ матерью, обреченною имъ на утоплёніе, былъ все-же взволнованъ при вѣчной разлукѣ съ матерью, испытывая при этомъ заразъ и ужасъ, и жалость.“ „Мы стремимся съ полной рѣшимостью... къ отмщенію за какую-нибудь обиду и испытываемъ полное удовлетвореніе, достигнувъ побѣды, тѣмъ не менѣе мы плачемъ. Не о совершенной мести мы плачемъ, но наша душа взираетъ на происшедшее съ другой точки зрѣнія, ибо всякая вещь на свѣтѣ „a plusieurs biais et plusieurs lustres“ (См. Essais, I, XXXVII).

Въ „Египетскихъ ночахъ“ Пушкинъ описываетъ поразительное сочетаніе чувственности съ жестокостью, воспроизводя легенду, сообщаемую Аврелиемъ Викторомъ о Клеопатрѣ. У Монтеня мы находимъ исторію, которая также являетъ намъ чувственность, временною отчасти вытѣсненную жестокостью: „Atalante, fille de beaulté excellente et de merveilleuse disposition, pour se desfaire de la presse de mille poursuyvants, qui la demandoient en mariage, leurs donna cette loy: „qu'elle accepteroit celui, qui l'equaleroit à la course pourveu que ceulx qui y faudroient en perdissent la vie.“ Il s'en trouva assez qui estimerent ce prix digne d'un tel hazard et qui encoururent la peine de ce cruel marché. Hippomenes ayant à faire son essay aprez les aultres s'adressa à la déesse tutrice de cette amoureuse ardeur, l'appellant à son secours; qui exauceant sa prière, le fournit de trois pommes d'or et de leur usage. Le champ de la course ouvert, à mesure que Hippomenes sent sa maitresse lui presser les talons, il laisse eschapper, comme par inadvertance, l'une de ces pommes, la fille, amusée de sa beaulté, ne fault point de se detourner pour l'amasser... Autant en fait il, à son point, et de la seconde et de la tierce jusques à ce que par ce pourvoyement et divertissement l'avantage de la course lui demeura“ (См. IV главу III книги).

У Пушкина въ „Пирѣ во время чумы“, въ гимнѣ чумѣ Вальсингама говорится:

„Все, все, что гибелью грозитъ,  
Для сердца смертнаго таитъ  
Неизъяснимы наслажденья,  
Безсмертья, можетъ быть, залогъ“.

Эта замѣчательная строфа напрашивается на сопоставленіе со слѣдующимъ мѣстомъ въ „Essais“ Монтеня: „Mais on désire aussi quelque fois la mort pour l'espérance d'un plus grand bien: „Je désir, dict St. Paul, d'estre dissout pour estre avecques Jesus Christ“ et: „Qui me desprendra de ces liens?“ Cleombrotus Ambraciota, ayant leu le „Phaedon“ de Platon, entra en si grand appetit de la vie advenir, que, sans aultre occasion, il s'alla precipiter en la mer. Par où il appert combien improprement nous appellons desespoir cette dissolution volontaire, à la quelle la chaleur de l'espoir nous porte souvent et souvent une tranquille et rassise inclination du jugement. Jacques du Chastel, évesque de Soissons, au voyage d'oultremer que fait Saint Louis, veoyant le roy et toute l'armée en train de revenir en France, laissant les affaires de la religion imparfaites, print resolution de s'en aller plus tost en Paradis; et, ayant dict adieu à ses amis, donna seul à la vue d'un chascun dans l'armée des ennemis, où il feilt mis en pieces“. Далѣе Монтень разсказываетъ о добровольно бросающихся подъ огромную колесницу, чтобы быть раздавленными при ея движеніи въ торжественной религіозной процессіи (См. III главу второй книги).

И Пушкина, и Монтеня равно привлекаетъ и одновременный и послѣдовательный контрастъ чувствъ. Способность становиться на различныхъ точки зрѣнія, перевоплощаться въ совершенно различные персонажи, быстро переходить отъ одного настроенія къ другому—общая у Пушкина съ Монтенемъ; только полиперсонализмъ Пушкина имѣетъ преимущественно артистическую окраску, у Монтеня же внезапная измѣнчивость настроеній скорѣе составляетъ житейскую черту.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эти колебанія психическаго уровня не мѣшали Монтеню въ общихъ линіяхъ его дѣйствій проявлять очень опредѣленную волевою рѣшимость. Свою измѣнчивость настроеній онъ характеризуетъ словами: „à jeun je me sens aultre qu'après le repas; si ma santé me rid et la clarté d'un beau jour me voyla renfrongé, mal plaisant et inaccessible“ etc.

Друзья Пушкина также отмѣчали внезапную измѣнчивость его настроеній, но въ этой измѣнчивости, я думаю, немалую роль играла именно художническая перевоплощаемость. Такъ, онъ пишетъ о себѣ въ шутку А. П. Кернъ (28 августа 1825 г.): „Но пріѣзжайте сюда, и я обѣщаю Вамъ, что буду необыкновенно любезенъ: я буду веселъ въ понедельникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, проворенъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, субботу и воскресенье я буду всѣмъ, чѣмъ прикажете“.

Рапсодичность стиля у Монтеня, его склонность философствовать иногда съ мнимымъ глубокомысліемъ по поводу мелочей его собственной личной жизни даетъ поводъ Пушкину къ шуточному пародійному подражанію въ наброскѣ, который такъ начинается:

#### „ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дядя мой однажды занемогъ. Пріятель посѣтилъ его. „Мнѣ скучно“, сказалъ дядя. „Хотѣлъ бы писать, но не знаю, о чемъ“. „Пиши все, что

ни попало, отвѣчалъ пріятель, мысли, замѣчанія литературныя, политическіе и сатирическіе портреты и тому подобное. Это очень легко. Такъ писали Сенека и Монтень.“ Пріятель ушелъ, а дядя послѣдовалъ его совѣту. Поутру дурно сварили ему кофе, и это его разсердило, теперь онъ философски разсуждалъ, что его огорчила сущая бездѣлица, онъ взялъ перо и листъ бумаги и написалъ: „Насъ огорчаютъ иногда сущія бездѣлицы“ (См. „Неизданный Пушкинъ“. Собраніе А. Ф. Онѣгина. Петербургъ, изд. Атены, стр. 174). Монтень въ главѣ „о гнѣвѣ“ (XXXI глава 2-ой книги „Опытовъ“) жалуется на то, что „ничтожныя причины иногда вызываютъ въ насъ сильный гнѣвъ“.

Пушкинъ является въ русской литературѣ наивысшимъ выразителемъ духовной свободы, и въ этомъ его интеллектуальное превосходство надъ Достоевскимъ, Гоголемъ и Толстымъ. Его волнуютъ вопросы „о тайнахъ вѣчности и гроба“, онъ жаждетъ, хотя и „мучимъ сомнѣніями“, свиданія съ умершимъ любимымъ существомъ, но его высокой и свѣтлой умъ живо чувствуетъ всю фальшь псевдонаучныхъ „доказательствъ“ теологическихъ и метафизическихъ истинъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ до нѣкоторой степени сходится съ Монтенемъ, признавая слабость въ аргументаціи метафизиковъ. Но Пушкинъ совершенно чуждъ пріятія вслѣпую, на вѣру всѣхъ положеній церковнаго и тѣмъ болѣе политическаго традиціонализма, что мы видимъ у Монтеня. Не надо еще забывать, что многія высказыванія Пушкина въ этой сферѣ являются не вполне искренними по его собственному признанію: „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политической и религіозной, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общественному порядку и необходимости“ (Письмо къ П. А. Плетневу, 7 марта 1826 г.).

Богатство тонкихъ психологическихъ наблюденій и замѣчаній Монтеня, острота его ума, пробуждающая критическое отношеніе къ суевѣріямъ и предразсудкамъ, духовная многоликость и эмоциональная подвижность — все это оказало несомнѣнно благотворное дѣйствіе на духовное развитіе Шекспира, Альфіери, Гете и Пушкина, скептицизмъ же Монтеня былъ всѣми ими преодолень, какъ временный кризисъ юнаго возраста; тотъ скептицизмъ, однако, помогъ укрѣпиться ихъ непоколебимой вѣрѣ въ могущество человѣческаго разума и въ то же время открылъ имъ глаза на тщету „ложной мудрости“. Эту вѣру въ могущество человѣческой мысли Пушкинъ выразилъ въ гимнѣ человѣческому разуму, вдохновившемъ великаго музыканта Глазунова:

„Ты, солнце святое гори.  
Какъ эта лампада блѣднѣетъ  
Предъ яснымъ восходомъ зари,  
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ  
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.  
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“



**РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ**

**ПУШКИНСКІЙ  
СБОРНИКЪ**



**1929**

**ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА**